ТАРАСОВ ВЛАДИМИР

Темнота

Владимир Тарасов
Темнота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51786513
ISBN 9785449849144

Аннотация

Темнота – то, что живёт за окнами по ночам, за углом нашей жизни, в самых далёких уголках разума. Это место, куда человека выбрасывает из собственной жизни, стоит чему-то в неё вмешаться.Может ли подросток, никогда не отвечавший за свою жизнь, отыскать путь в Темноте, и как далеко человек в ней может зайти?

Содержание

ТЕМНОТА 5
День первый 12
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Темнота

Владимир Тарасов

© Владимир Тарасов, 2020

ISBN 978-5-4498-4914-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЕМНОТА

сгущалась, становясь с каждой секундой всё больше похожей на кокон из нефти. Она сожрала, даже не заметив, дверь, окна, компьютерный стол – весь свет, всё, что давало связь с миром. Бесконечная вселенная сжалась до радиуса вытянутой руки, но так оно и лучше, наверное. Думать проще. Это вроде неправильно – темнота для того и сделана, чтобы в ней не думать ни о чём, да вот не выходило. Всегда легко было, но не сегодня.

Нет, ну не то чтобы мне раньше много рассказывали, но это… это совсем перебор.

Вдохнул. Запустил в руку во тьму, она расступилась, но не отступила, будто просто перелилась на новое место.

Телефон лежал слишком далеко, я уж не думал, что до утра понадобится, пришлось сдвинуться целиком. Пошарил, нащупал провод зарядки. Потянул.

Ещё двенадцати нет. Я думал больше прошло, до утра сидеть настроился, а оказалось – минут сорок от силы. Обманула темнота, выходит. Ну и хорошо, есть время додумать.

Ненавижу мысль на половине обрывать, по-живому. Она

от этого вроде как мучается, кричит там в голове, успокоиться не даёт. Днём это делами можно гасить, а ночью… ночью только в темноту нырять.

Ладно, что у нас получается?

Они пришли рано, я сразу понял – случилось что-то. Обычно родственники к нам после работы заходят, да и то по одному… не ладят они между собой особо. Не то чтобы ругались, скорее ругаться не хотят – разные все слишком вышли.

Гадать пришлось долго – разговор не клеился, начинать никто не хотел. Мама сама начала.

Про семейную онкологию я уже знал – деда при мне не стало, классе… чёрт, в каком? Вспоминалось с трудом. Не так давно вроде, а помню слишком мало.

Бабушка плакала, понятно вроде почему. Пыталась давить слёзы, что только отвлекало и разговор буксовал. Что в итоге?

Обнаружили два месяца назад, проверили в региональном онкоцентре. Отказали, понятное дело. У нас такое не оперируют, боятся. Умереть, говорят, может от вмешательства. Дома, видимо, сразу на поправку пойдёт. Это я сразу за сто-

лом придумал, но вовремя передумал озвучивать.

Они уже нашли клинику в Москве и даже деньги посчитали. Всё за два месяца? Может быть, конечно, но мне верится слабо. Взрослые редко обладают самурайскими представлениями о чести, сколько бы в мультиках им ни говорили, что нужно дружить и доверять, они продолжают от мира тайнами отгораживаться. Контролировать, может, что-то хотят. Не знаю и узнавать особо не хочется.

Всегда повторяли мне, и дома, и в школе, что я самый умный, почти Норман Озборн. А выходит – семиклассник и там, и там.

Сейчас, впрочем, я их понимал. Не принимал, это всё равно очень глупо, маму особенно – она всегда к какой-то искренности стремилась. Но у всех были дети, ныли и бились головой о телевизор, все боялись испуганного ребёнка. Только тут дело такое – мне уже 14 и мы с учебником биологии полностью согласны в том, что я подросток. Что это значит на деле я не имел ни малейшего понятия, но что не ребёнок – знал точно.

А вот и 12. Ровно. Всего ничего же прошло, как так? В темноте и правда время неправильно течёт, наверное. 12:01. 0:01, точнее. Вселенная обнулилась, наступил новый день. Точнее, через 7 часов должен наступить, когда вста-

ну. Мне нравилось играть с календарём, носить на себе по несколько дней, когда с ума сходила вселенная, а не я, но точно не сегодня. Сейчас я на себе двух дней не вынесу, с одним бы справиться.

Пора засыпать.

А вот то, что она будет лечиться – это хорошо. Вроде… вроде всё не так уж и плохо. Не ужасно, по крайней мере. Наверное. Надеюсь.

Она улетает через 9 дней. Утром. В Москву.

Утро – это новый рейс, его только в конце августа сделали. Значит, я уже был в городе, когда она брала билеты. По ней понятно обычно что на уме, она только с учениками непроницаемая. А тут выяснилось – я тоже ученик. Дома как в школе. Только тут, может, чему и научусь.

Полчаса это в голове крутил. Отлёт. Больницу. Диагноз. Дом. И по новой. Потом понял.

Голова кружилась и перекалялась не хуже старого ноутбука, лежавшего под диваном. Чёрт, а она же на нём спала. Может, из-за него? Ну, в какой-то степени? Так бывает? Чёрт.

Ловить здоровые мысли стало невозможно и я забросил

попытки. Осталась только темнота. Она охлаждала, хоть температуры у неё и не должно быть. Отстраняла. Призывала как будто в ней растворить ся, вылететь из головы. Мыслей не было, так что причин отказать я не нашёл.

С эмоциями я сговориться никогда не мог. В детстве они были, много было. Всё, что помню – как плакал. Вечно мне что-то не нравилось, наверное.

Плакал в больницах, не давая маме спать. Плакал у родственников, когда не понимал, где она. Потом снова в больницах, когда её выписали из других. В детском саду перестал, там всем как-то плевать было. Потом сразу школа, та же тема. Задумался постепенно – сколько в этом смысла. Ну, в эмоциях. Не чувствах, чувствовать я продолжил… вроде. А показывать – нет.

Не знаю, проще ли так, но для фигуры точно полезно – пока жрёшь обиду на тётку, которая обманула с подарком, ничего другого как-то не хочется.

Мама так же думала, наверное. Привыкла, в школе уж точно, сжирать все обиды, не отражать мир на лице. Теперь, как выяснилось, и дома. А потом обиды сожрали её и обрели тело.

А она молча, ничего не расплескав, составила план и всё

сделала. Просто, как сочинения, которые она проверяет. И сегодня была спокойной, будто выпустила обратно обиды. Хотите – ловите, мол. Бабушка поймала, но это у неё обычно.

И я, выходит, тоже поймал. Растить в себе, правда, как-то не хочется. Кто б только знал, как от этого избавиться?

Через 2 недели я отправлюсь на Алтай. Ждать. Там горы, два миллиона человек на 150 тысяч километров и какие-то древние родственники, которые меня приютят. У бабушки не останусь, ей теперь самой детоксикацией нужно заняться. У тётьёв и дядьёв – работа. А мне… а мне так и проще даже. Тут бы меня всё равно в квартире не оставили, по крайней мере, в покое. А ведь надо не только жить, но и образование получать. Ну, наверное.

В конце лета, не выдержав напора мотивирующих речей от всех родственников сразу, я составил фантастически подробный план работы над духовным и физическим аспектами своей жизни, но две из трёх олимпиад, записанных в него, я уже пропустил, в секции ЛФК в течение минуты никто не подходил к телефону, а школьные факультативы так и остались неотсмотренными.

В школе умным быть не надо, там надо много знать. Желание узнавать состав каменной соли и уровень защиты от ядерного удара прожило первые недели две, а потом…

потом в колду углубился. Решил до ноября платину выбить. И спокойно всё было до сегодняшнего дня.

Даже не то что спокойно, не нужно просто. А сейчас и тем более – чего мне все эти академические ачивки на Алтае. Хорошо, значит. Не просто так приеду, а с платиной.

Теперь действительно спокойно стало. Вроде как понятно всё. Точнее – вообще ничего, но понимать уже не хочется.

Что делать с пойманной обидой – хрен его знает. Но понятно, почему она её в себе таила. Тоже не знала ведь. Потому и не сказала. За два месяца обоих бы сожрало.

Глаза закрылись уже сами.

День первый

Открыть глаза было сложнее. Свет мешал вспомнить, где я и почему так плевать на всё. Скорее даже не свет, темноты просто не было. Вокруг меня внезапно оказался целый мир вещей, про которые пришлось что-то вспоминать.

День правда был новым. Солнце взошло, а все мысли будто ночью остались. Попробовал задуматься – и не захотелось. Мог остановиться, значит. Ничего, это до темноты.

А сколько до неё?

Телефон, честно соблюдая законы физики, улетел под кровать от долгой вибрации. Разблокировал. Десять, почти ровно. Третий урок заканчивается. И жрать хочется.

Мама спала на кухне, будить не стал. У неё часто такое было, когда не успевала в срок работы проверить. И в последнее время, без работ только. Блин, видно же было, наверное. Просто хорошо было жить без опасений. Мне нравилось.

Тихо открыл холодильник, осмотрел, начал закрывать. За секунду до удара вспомнил, за чем пришёл, собрался с мыслями. Через минуту заметил перед глазами вчерашние бутеры. Она вообще такую еду не признавала, слишком про-

сто для неё. Супы обычно были, или мясо, когда премию давали. И перестала же сложно готовить недавно. Всё ведь мог увидеть, а смотрел… ну, по большей части в монитор. Это, кажется, плохо.

Пока дошёл до комнаты, настроение испортилось окончательно. Ну, или по крайней мере так казалось. Всё-таки было светло, а значит можно было делать, а не думать. Запустил комп, протупил пару минут в экран загрузки… а зачем включал?

Дошёл до телефона, надо же кого-то послушать пока ем. На экране светился пропущенный от классной. Ниже смска, спрашивала, куда я пропал. Достаточно было одно утро делать что хочется, чтобы обо мне вспомнили.

Не успел придумать отмазу, которую кину в этот раз, а она уже позвонила ещё раз. Иногда тягу к контролю я понять решительно не мог.

Машина должна была приехать через 10 минут. Тётка только в город заехала, когда я ей набрал. Удачно, я как раз решился школу посетить.

Классной так и не ответил, писать не хотелось вообще. Говорить хотелось, наверное. Выговариваться, может. А ей

что? Напишет как после дедушки «соболезную. когда на учёбу?» и забудет за неделю? Хоть раз бы вспомнила карга за 4 года, раз так соболезновала душевно.

Ненавидеть хотелось намного сильнее, чем говорить. Кажется, я начал понимать, зачем люди так массово посещали дуэли в своё время.

Дверь кухни хлопнула, и волну моральных противоречий сбило звуковой. Встала, значит. Надо выйти. Поговорить. Ну, просто сказать что-то, по крайней мере.

К ненависти возвращаться не хотелось. Я догадывался, откуда она пришла – не было её до вчерашнего дня, да и ночью не было. Проснулся таким. Прорастает, значит, обида.

Кормить её нельзя, а то сразу сожрёт и меня, и всех вокруг, но вот только… только в себе хранить уметь надо. Мама вон человек точно умный, литературовед с двумя образованиями и тремя книгами, но и она не смогла.

Вот только, может, не смогла из-за меня. Не помню, когда она меня не защищала. Всегда одна – перед хирургами, главврачами, перед учителями и неизмеримо мудрыми московскими родственниками… передо мной.

Вина – плохое чувство. Вредное. Она ошибки исправлять не даёт. Связывает. А развязаться как? Мне, выходит, две обиды затушить надо, но первая скоро улетит за 6 тысяч ки-

лометров, а вторая ко мне приклеилась намертво и тащит куда-то. В темноту тащит.

Она заглянула сама, будто понимала всё. Посмотрели друг на друга какое-то время. Нет, точно понимала. Как умудряется?

Потому что взрослая? Так нет, остальные меня даже на латыни не поймут.

Родная? Так не по крови же читает. Или не в крови родство? Хрен знает, для этого я не взрослый.

– Я в магазин, – сказала. – В поездку собираться.

– Хорошо, – сказал. Ну, как сказал, выдавил. А что, и правда же хорошо.

Поворот заметил со второго раза, рекламные щиты торгового центра ударили по глазам. Дежа вю или как его там.

Тётка тоже заметила и вовремя повернула на Автозаводскую. На кой чёрт мы через шоссе поехали? Время сэкономить? Ну, разумеется.

Идеально прямоугольное здание за облезлым зелёным забором больше напоминало швейную фабрику, и чем больше времени я в нём проводил, тем больше понимал, что изготовление занавесок принесло бы этому миру значительно больше пользы.

Один из главных минусов молодого возраста – любое твоё мнение легче всего объяснить подростковым максимализмом. Не знаю, когда именно это перерастает в то, что тебя считают просто сумасшедшим, но и на первой стадии мне не очень.

После класса, наверное, третьего, я окончательно убедился, что школа – не основа жизни, как говорили мне все бездетные мамины подруги, и не корпорация зла, как утверждали старшаки. Это матрица. Ну, киношная. И в отличие от фильма, к сожалению, временная.

Достигать в ней особо нечего, зато вывалиться сложно. Хорошее отражение того, чем должна стать жизнь человека после.

В отрыве от учителей мы проходили весьма увлекательные штуки – «Бедная Лиза», расщепление атома, венерические заболевания… Проблемы начинались, как всегда, на этапе людей, но… пофиг. Пусть живут в своём волшебном мире, где людям нужна биография Рюриковичей и кто-то покупает по 63 арбуза.

Сейчас я на школу, правда, не обижался, прям вообще. Чем ближе я к ней подходил, тем больше понимал, что не одному мне хреново и не я один во всём виноват. Может, имен-

но для этого её такой и держат – чтобы детям было что ненавидеть, пока они могут жить в своём мире.

Я шёл в самое страшное место из всех, что мог увидеть в центре Сибири и впервые за последние сутки мне было хорошо.

Моего отутствия никто, кажется, не заметил, что в целом понятно – я и социум взаимовыгодно друг друга в последнее время не замечали. Учителям до чужих классов дела никогда не было, а классная… ну, зайти к ней, по идее, надо, но опять выслушивать поток слабо связанных высокопарных речей…

Есть у взрослых, не у всех, но у многих, привычка, когда они кого-то ругают, озвучивать весь поток сознания, просто на повышенной громкости. Квантовых физиков среди них мало, так что нравоучения с каждым разом всё больше и больше напоминают сеанс психоанализа.

Мама научилась их на место ставить, классуху особенно. Я – нет. Это силы отнимает, это гадости приходится выдумывать. Говорить их, наверное, хотелось, особенно сейчас. Но специально туда нырять…

Когда подходил к классу, солнце преодолело живую изгородь индустриализации и световая волна накрыла школьные коридоры. Ослепила. Обожгла.

Проблемы оказались не прочнее человека и сгорели в первую же секунду. Я на секунду оказался в пустоте, как

ночью. Свет вместо темноты, но суть та же.

Люди, стены, окна – всё куда-то делось, ничего не существовало несколько секунд.

Ушло так же быстро, но этого хватило. Передышка. Лёгкость какая-то. Впервые за день появились силы для того, чтобы ничего не делать.

Продлилось это, правда, недолго. Ненавидеть надо на расстоянии, это и химически приятнее, и конструктивнее в разы. Когда зло тебя окружает, ничего хорошего ты уже не сделаешь, выберешься разве что.

Уроки были обычными. Тянулись жутко, я почти чувствовал, как время вокруг скрипело и дрожало, но Лариса Леонидовна, преподававшая физику, наверняка дольше, чем люди знают о силе тяготения, выжимала все соки из пространства и времени.

Помнится, когда мне было лет 9, одна из маминых подруг, давно уже свалившая в столицу, подсунула мне учебник по механике за 7 класс и я остался в восторге – как же интересно устроены все эти штуки вокруг. Даже мудрости какие-то житейские там нашёл от недостатка философского воспитания, маме потом это исправлять пришлось десятками часов дискуссий о сугубо гуманитарных материях и полях.

Шансов узнать о физических у меня не было – как выяснилось, что угодно может испортить человек, который это

ненавидит. Лариса Леонидова свой предмет определённо ненавидела. А я её, за то, что процесс изучения реальности у нас свёлся к зубрёжке определений и формул, а не обмену мнениями. Говорить мне нравилось явно больше, чем зубрить.

Обмен мнениями, впрочем, пугал. Не то чтобы я свой класс совсем уж ненавидел, но уважения к ним испытывать не мог. Всё, что они говорили и делали, слишком не совпадало с моими представлениями о человеческой деятельности. Ну, не все. И не всё. И наверняка многое и многих я бы понял, но раз не задалось – не очень уже и хотелось.

Наш класс единственный дошёл до седьмого года без перемен в составе и, быть может, и не из-за этого вовсе, ненавидели в нём примерно все примерно всех.

Каждый день рождались новые дружбы и разбивались сердца, наличие которых у этих людей меня сильно удивляло. Если бы хотя бы половина всего, о чём мои одноклассники болтали, передавая секреты по конвейеру, сбылось, город наверняка бы утонул в каком-то из грехов, но абсолютная бессмысленность всего, что нас окружало в школе, подарила всем полное моральное право ничего не делать.

Когда-то в детстве смотрел по телевизору истории о том, что богатые тоже плачут, но вот забыли в них упомянуть, что рефлексия вообще-то мало зависит от денег, так как на адек-

ватность они не влияют.

У большинства в этой школе был свой мир, их родители заседали в хитроумной паутине власти, в которой, судя по семейным рассказам, сторожили места и ели. Классе в третьем я даже сказку написал про страну собак, в которой ничего особо не должно поменяться, но в школу её отнести мама не разрешила. Когда пару лет спустя Серый показал мне, что получается при совмещении кота и зеркала, я понял, почему.

Серый, кстати, болел, окончательно лишая меня причин тут находиться.

В школу мы ходим вроде как не тусить, а учиться, если верить бабушке. Потому что раз в день совмещать человека со сверстниками и заставлять его при этом учить классификацию живых организмов – это логично. Не понимаю я всё-таки этих людей. И всё-таки это хорошо.

Раньше я с Серым больше общался, особенно в началке. Быть вдвоём против целого мира было прикольно. Вокруг не только откровенно не догоняющие учителя, но и куча непонятных упырей, которые почему-то оккупировали школу, в которой самые умные должны учиться.

Потом, правда, выяснилось, что родители наши глубоко и добросовестно заблуждались не только насчёт школы, но и о нас, и высот научных нам не видать. А учится хоро-

шо вон тот чувак откровенно сумасшедшего вида, которого в унитаз башкой макали под Новый год и, что понять было существенно сложнее, женская половина класса, причём половина от женской половины.

А общалась эта элитная четверть с Саней, которому брат выпивку покупает и скутер даёт, вот только по какой-то безумной причине Саня на нас был обижен за то, что мы его в своё время деформировали, защищая снеговика.

История закончилась бы красиво, если бы мы драматически поссорились ради девушки, однако меня перспектива лезть в паутину взаимного обожания одноклассниц откровенно пугала, а Серый, как бы оно ни звучало, посерел и перестал хоть кого-то раздражать своими цветами. Не то чтобы прям связался с плохой компанией, скорее максимально к ним приблизился.

Упрощать – круто. Это всегда помогает. Но многие почему-то понимают под этим путь наименьшего сопротивления, хотя даже ток знает, что не всегда нужно по нему идти. Впрочем, Лариса Леонидовна этого никому так и не объяснила, так что к седьмому классу Серый окончательно перенаправился куда-то в фейсбук, где, уподобившись Лунтику, тут же нашёл много новых друзей.

Но поссориться нам не довелось. Никакой драмы, никакой драки. А ещё, сколько бы людей я ни находил вне шко-

лы, никто не играл в пэйдэй, так что… так что всегда были под рукой отмазы.

Но сейчас рядом не было даже его, а значит, ещё раз, зачем я тут?

Я вскинул голову и воззрел на Ларису Леонидовну с такой яростью, что она, почему-то смотревшая на меня, поспешила отпустить класс на перемену, которая уже три минуты как шла.

Сколько ж я провёл в раздумьях, урок? Наверное, мне сегодня даже Серый был бы не нужен.

Движение закипело мгновенно, 29 человек, закрывая по очереди для меня свет, дружно направились к выходу из класса.

Я наконец отвёл взгляд от физички, которая, судя по выражению лица, заподозрила, что такими темпами на её уроках я могу перейти к практической работе по баллистике, и засобиралась из класса. Я подумал, сам не уверен почему, что к врачу. Оно и понятно, фельдшерская была моим любимым местом в школе. Через неё домой всегда ближе, чем через все уроки.

– Ну беги, старуха, – эту фразу я почему-то продумал с мстительной интонацией. – Вашего дражайшего врача по четвергам не бывает, но ты примени к двери механиче-

ское усилие.

Дошло минуты через две. Я так и сидел посреди пустого класса, глядя в никуда. Никуда. Никого. Не было учителя. Не было дноклассников. Никто не присядет на мозги… ни с кем говорить не придётся.

Я одним движением руки смахнул в открытую сумку всё, что лежало на парте. Блокнот помялся, кажется. Он, наверное, единственный, с кем в школе действительно не скучно. Ещё в конце прошлого года стало ясно, что без желания учиться тетради будут только мешать, а вот он – наоборот. Когда нужно – дневник, когда нужно – универсальная имитация работы на любом предмете. Ну, и сюжет для игры там же пишу. В основном, правда, не пишу вообще ничего.

Подошёл к двери, задумался. Лицо спокойное сделать надо. Уверенное. Чтобы не докопался никто, это почти всегда работает. Мышцы разгладить, или что там на лице? За анатомию я так тройку и не исправил.

Успокоился. Плохо не было. Ни от людей, ни от места. Как только за ручку взялся – вообще пофигу стало. Не моё это место теперь. Не мои люди. И не были моими, да и ни для кого не были, я просто не притворялся. Дальше уже не моя самостоятельная работа.

Поймал себя на мысли о том, что не хочется сюда вернуться. Это не с мамой связано, не с местом. Просто такая свобода проснулась.

Рванул дверь на себя, свет ударил в глаза. Пустота. Снова. За каждым углом теперь она. Знак, может? А если так, то я правильно делаю? В кино бы так сделали, наверное. А в жизни? А что жизнь, хуже кино должна быть?

Я шагнул в пустоту и за секунду до того, как я научился в ней видеть, раздался звонок.

Коридор почти пролетел, не изменив ни лица, ни скорости. Внимания на меня никто особо не обращал, а я с радостью отвечал миру взаимностью.

Из открытых дверей неслись крики – у старших классов начались контрольные, судя по громкости – в голову.

Улыбнулся собственной шутке, дыхание сбил окончательно. Притормозил у лестницы. Выдох – вдох. Всё ещё спокоен, но уже не пофиг. Уже хорошо. А физкультуру, наверное, зря прогуливал.

В кино обычно уходят шумно и красиво, с замедленными страшными рожами недоброжелателей. Я уходил обычно тихо – или через медблок, или мама писала бумажки про семейные обстоятельства впрок. Как сейчас?

Охрана меня вроде знает, мама ещё до школы подсадила

на странную привычку здороваться со всеми взрослыми подряд. Ну, как до школы. В её школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.